

Научная статья

УДК 070.1

doi: 10.17223/26188422/13/3

Социальность журналистики, медиа и интернета: поиски перспективы

**Александр Николаевич Марченко¹,
Алвес Сантана Веденклей², Янь Лю³, Инкю Канг⁴**

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Федеральный университет Жуис-ди-Фора, Жуис-ди-Фора, Бразилия

³ Сианьский университет Цзяо Тун, Сиань, Китай

⁴ Университет штата Пенсильвания, Эри, США

¹ a.marchenko@spbu.ru, ² wedencley@gmail.com, ³ yan.liu@xjtu.edu.cn, ⁴ iuk14@psu.edu

Аннотация. Статья посвящена проблеме использования понятия социальности журналистики для изучения цифровых коммуникаций. Цель статьи – дать новую перспективу понятию «социальность журналистики» – выработке в СМИ общих смыслов для взаимодействия людей. Как это понятие соотносится с медиапрактиками в интернете? Противостоит ли социальная природа журналистики более индивидуализированной природе цифровых коммуникаций или это стороны одного предмета? Изучая эволюцию связанного с социальностью академического дискурса с 1960-х гг. до наших дней, мы показываем, что как традиционные СМИ, так и коммуникация в интернете отражают структуру порождающего их (со-)общества. Делаем вывод о перспективности понимания социальности журналистики, медиа и интернета как единого научного предмета.

Ключевые слова: социальность, интеграция, общий смысл, теория журналистики, цифровые медиакоммуникации

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-111-50670. Авторы выражают глубокую благодарность профессорам СПбГУ С. Г. Корконосенко и В. А. Сидорову за внимательное знакомство с работой и полезные комментарии.

Для цитирования: Марченко А. Н., Веденклей А. С., Янь Лю, Инкю Канг. Социальность журналистики, медиа и интернета: поиски перспективы // Вопросы журналистики. 2023. № 13. С. 49–69. doi: 10.17223/26188422/13/3

Original article

doi: 10.17223/26188422/13/3

The sociality of journalism, media and the Internet: In search of a perspective

Alexander N. Marchenko¹, Alves S. Wedencley²,
Yan Liu³, Inkyu Kang⁴

¹ St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

² Federal University of Juiz de Fora, Juiz de Fora, Brazil

³ Xi'an Jiaotong University, Xi'an, China

⁴ Penn State University, Erie, USA

¹ a.marchenko@spbu.ru, ² wedencley@gmail.com, ³ yan.liu@xjtu.edu.cn, ⁴ iuk14@psu.edu

Abstract. The transition of socially-significant discussions from journalism production to digital communications in the Internet raises the problem of modernization of scientific notion of the sociality of journalism. Recent studies tend to confirm the social nature of journalism and mass media while separating the more individual and diverse social nature of social media and other forms of digital communication. We assume that they are two sides of the same historical subject. Our aim is to show that, although digital communication is relatively new, it has inherited social significance as well as limitations and biases of journalism. For checking this, we examine the materials of evolution of concepts related to sociality in academic discourse since the 1960s to present: from establishing core concepts to disembedding metaphors such as “social cement”, “cultural anchor” and “civic glue” with metaphors like “liquid”, “liquification”, and “hybridization”. Nowadays, the academic community has begun to understand the social nature of digital and networked communication beyond the scope of traditional journalism, which contributed to the creation of two subjects of sociality in relation to journalism and digital communication networks. As a major outcome of the study, we suggest that the principles of the sociality of journalism as an institution and sociocultural practice can be applied to the topic of digital communications. Here are our proposals that can be applied to both journalism and digital communication: isomorphism to society, lifelikeness, the normative position of the author: “on a par with the hero”, “speaking nearby”. Thus, the sociality of journalism creates the historical dimension of networked interaction; and the concept of the continuous development of the sociality of journalism, media and the Internet reflects a place of theory and history of journalism in the digital humanities. The significance of the work is related to the using of these outcomes in investigations of the national, cultural and networked aspects of digital communication.

Keywords: sociality, integration, common sense, theory of journalism, digital media communications

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-111-50670. The authors would like to thank professors of St. Petersburg State Uni-

versity S. G. Korkonosenko and V. A. Sidorov for their attention to the project and useful comments.

For citation: Marchenko, A. N., Wedencley, A. S., Yan Liu & Inkyu Kang. (2023) The sociality of journalism, media and the Internet: In search of a perspective. *Vo-prosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies*. 13. pp. 49–69. (In Russian). doi: 10.17223/26188422/13/3

Введение

Проблемный контекст статьи заключается в том, что раньше на интеграцию общества влияли журналистика и традиционные СМИ, сейчас влияние от них переходит к социальным сетям и другим интернет-коммуникациям. Это ставит вопросы, кого и на каком основании объединяют последние, в отличие или в продолжение первых? Журналистика и цифровые коммуникации сопоставляются нами как взаимосвязанные, но отличающиеся социальные практики – составляющие действительности, «включающие в себя как сферу деятельности человека, так и находящиеся в динамике его статус и роль в обществе, идеалы, ценности, нормы взаимодействия с обществом, профессионализм и нравственность» [1. С. 276]. Журналистика – это социальный институт, включая журналистов и подготовленные ими произведения для любых каналов коммуникации. Медиа мы будем понимать как инфраструктуру, консолидированную и развиваемую интернетом – каналом коммуникации, своим индивидуализированным характером, направленным против односторонних и приватнических норм (one-way and gatekeeping norms) [2]. Важной чертой содержания цифровой коммуникации, отличающей ее от журналистики, мы считаем по сути ее нежурналистский характер, текущую институционализацию, ставящую под вопрос роль журналистики в объединении общества.

Актуальность работы заключается в поиске таких составляющих понятия социальности журналистики, которые могли бы объединять как аудиторию СМИ, так и пользователей интернета. Поиск в этом направлении ведут многие ученые, использующие разные понятия, но общее методологическое решение может быть связано с мерой выражающих явления научных понятий. Их несколько или оно одно? Как меняется их (его) содержание во времени? Как связано в понятии инвариантное и устойчивое с вариативным и изменчивым? [3]. Анализ

понятия социальности журналистики в этих аспектах будет полезен для уточнения и других понятий.

Предпосылка вариативности и изменчивости социальности разных типов коммуникации основана на признании существенных отличий цифровой эпохи от эпохи традиционных СМИ. Например, Е. Л. Вартанова с соавторами пишут о полисубъектности новой социальности в медийности [4. С. 3, 312–313], множественности авторства, характеризующей целостность современного общества в отличие от прошлого. Предпосылки инвариантного и устойчивого ученые видят в аксиологии, деонтологии и этике журналистики. Например, И. А. Фатеева пишет, что тенденция депрофессионализации медиасферы ставит проблему индоктринации в сознание «самодетельных журналистов» (блогеров, владельцев пабликов и пр.) элементов аксиологии и деонтологии журналистики [5. С. 199], т.е. некоего инварианта, выработанного в журналистике. В этом же смысле Е. Л. Вартанова упоминает слабое представление об этике у блогеров и инфлюэнсеров, которые, не имея журналистского образования, своим контентом создают картину мира людей [6]. Мера понятия социальности позволит сравнить содержание цифровых коммуникаций и журналистики по этим параметрам. Одновременно мера социальности журналистики и интернета – это и общественная потребность. По словам гендиректора ВЦИОМ Валерия Федорова, россияне доверяют центральному телевидению и «речь идет не о конкретных каналах, а о телевидении в целом», а в зоне недоверия мессенджеры, соцсети и блоги в интернете [7]. За этим «телевидением в целом» стоит потребность в социальности (а равно и в аксиологии и т.д.) журналистики, которую респонденты по традиции увязывают с «телевидением», хотя соответствующую информацию, безусловно, потребляют на любых платформах и за пределами телеэфира.

С позиции теории журналистики эта статья вносит вклад во многие гуманитарные науки, проявляющие интерес к изменению социальности в цифровой среде: социальная и цифровая эпистемологии в философии, цифровая управляемость в политологии, искусственная социальность в социологии и т.д. [8–10]. В теории журналистики известно, что, взаимодействуя на одном уровне с героями и аудиторией, пресса как институт и социальная практика исторически отражала структуру порождающего ее общества. (Как равнозначные мы рассматриваем советскую и российскую теорию журналистики и англо-

язычную теорию медиа и коммуникации). С точки зрения, что журналистика выражала социальность людей, пока нет оснований полагать, что интернет-коммуникация будет развиваться в каком-то ином, а не в том же направлении жизнеподобия, изоморфности обществу [11, 12]. Это положение вносит вклад в широкое обсуждение «бытия и становления» старых и новых медиа, «пыльной бумаги и удобных приложений» [13. Р. 176; 14. Р. 90].

Обзор литературы

Понятие социальности журналистики определяется в двух работах С. Г. Корконосенко [15, 16]. В них он ограничивает социальность как качество всей журналистики от таких ее разновидностей, как социальная, гражданская журналистика, а также от публичности (publicness) [16. С. 420]. Публичность относится к пространству, она противопоставлена приватности (подробнее см.: [17]). Также С. Г. Корконосенко сравнивает институциональный (от обычаев до организаций) и социокультурный (смысловой) подходы к определению социальности. Рассмотрим эти два подхода.

Институционально социальность – это атрибут человека, именно люди решают, как им объединяться. Далее они осваивают технологии и каналы коммуникации для выражения своей социальности [16. С. 422–423]. Знания о выражении социальности в журналистике более проработаны и могут индоктринироваться «интернетчикам»: от отмеченного у последних «отсутствия общего нарратива» [18], кого и зачем объединять? – к продолжению «великого нарратива» теории медиа и массовой коммуникации [19]. Пока социальность в сетевых коммуникациях кажется множественной, в ней не выделяются общие принципы объединения людей – это соответствует социальности журналистики во множестве СМИ. Как журналистские практики отдельных СМИ по мере институционализации обобщались в теорию, так же «постить в интернете» постепенно становится сходной социальной практикой с журналистикой в целом. Отсюда интернетчики обратятся к деонтологии, аксиологии и этике журналистики как институционального носителя предыдущих, выработанных накануне объединяющих людей смыслов. Придут и скажут: у нас закончились идеи, о чем журналисты писали сотни лет? Потому что, будучи частью духовной жизни общества, интернет как «новая среда оказывает свое

воздействие на породившие ее институты. Воспринимая прежние ценностные представления, подвергает их переработке при активном участии журналистики» [1. С. 278].

В социокультурном подходе социальность – это основанное на общей смысловой перспективе взаимодействие людей, в котором реализуется интегративный потенциал журналистики [15. С. 157–158]. Об этом западный классик Джеймс Кэри писал: чудо социальной жизни во всевозможных изменениях и разнообразии, конфликтах и противоречиях вершится через коммуникацию, общества создаются, поддерживаются и трансформируются через взаимосвязи символов и социальной структуры (“How is it, through all sorts of change and diversity, through all sorts of conflicts and contradictions, that the miracle of social life is pulled off? ...it is through communication, through the intergraded relations of symbols and social structure, that societies... are created, maintained, and transformed”) [20. P. xii].

Объединяющие людей интегративные смыслы – это отношения взаимного следования и связи между различными аспектами опыта, посредством которых опыт кристаллизуется в действия и идентичности, придающие цель и значение жизни людей [21]. Выработка таких смыслов исторична: меняются каналы, но циркуляция непрерывна. Люди объединяются для благих целей, но благо одних может не быть благом для других. Журналистика отразила это, с одной стороны, ориентируясь на общественное благо, а с другой – оправдывая страдания, в чем ранее определяющую роль играли религии и светские идеологии [16. С. 419–420; 21]. Сейчас определяющую роль самой журналистики оспаривают цифровые коммуникации. Но даже если они разовьют объединяющие людей смыслы в каком-то существенно новом направлении (что самой журналистике удалось лишь в меру известного высказывания Г. В. Ф. Гегеля: утреннее чтение газеты – своего рода утренняя молитва реалиста), то даже в этом случае воспринять эти смыслы на текущем этапе им просто неоткуда кроме как у журналистики. В этом ракурсе индивидуализм и фрагментарность цифровой коммуникации не разграничивают ее с журналистикой, а проявляют в них обеих признаки человеческой социальности в целом. Как журналистика работала на благо одних обществ, но это могло не быть благом для других, так же и индивидуализм и фрагментарность цифровой коммуникации – это благо для одних, а для других – нет.

Американский историк журналистики Дж. Нерон писал по этому поводу: «Критик мог бы сказать, что, эй, старая журналистика не очень хорошо справлялась с регулированием публичного дискурса и наказанием лжецов. Этот критик мог бы обратиться к Тонкинскому заливу <началу войны США во Вьетнаме> или еще раньше к Первой мировой войне, или указать на долгую историю искажения представлений о расовых меньшинствах или рабочем классе. Этот критик прав. Журналистика была плохим судьей. Что лучше – иметь плохого судью или вообще не иметь судьи? У меня такое чувство, что мы вот-вот это узнаем» (“A critic might argue that, hey, the old journalism didn’t do a very good job of regulating public discourse and punishing liars. That critic could go back to the Gulf of Tonkin, or further back to World War One, or point to the long history of misrepresentation of racial minorities or the working class. That critic is right. Journalism was a bad referee. Is it better to have a bad referee, or no referee at all? I have a feeling we’re about to find out”) [22]. Переформулируем: что будет, если плохой судья отдаст свои полномочия вообще несудьям? Вероятно, последние разберутся, предварительно повторив и преумножив ошибки предшественников, если не научатся на них.

Другие исторические отсылки можно найти в цитированных работах, а наш поиск устойчивого и изменчивого между социальностью журналистики и сетевой коммуникации мы поведем с 1960-х гг. как периода зарождения последней, начиная с которого могут быть сопоставлены эти социальные практики.

Историческая динамика социальности журналистики

Выше мы установили, что социальность присуща людям, а не технологиям; а объединяющие людей смыслы историчны, несут как благо, так и нет. Также и история журналистики отражает «как желательность, так и опасность свободы печати» [23], как универсальные социетальные интересы (universal societal interests), так и интересы, доминирующие сиюминутно [24. Р. 400–401]. Связанные с социальностью понятия общественного института и предназначения журналистики как раз и были призваны разрешить эти противоречия.

В 1960-е гг. на Западе формирование дисциплины «Массовая коммуникация» вызвало временное позитивное отношение к термину «масса» для идентификации ученых в этой области: массовая комму-

никация как продолжение идей Просвещения [19]. В Советском Союзе тогда же формировалась своя социальная теория журналистики. Противоборствующие лагеря развивали сходные представления о социальном назначении журналистики. Вильбур Шрамм отмечал, что коммуникации на основе интегрирующих идей объединяют разъединенные социальные силы, согласовывают их в систему, создавая гармонию и равновесие, а структура коммуникации отражает структуру общества [25]. В это же время Е. П. Прохоров отмечал объективное социальное предназначение советской журналистики: «Мастерство, свободное владение возможностями данного рода творчества начинается с ясного, глубокого осознания его социальной функции» [26. С. 23].

Отсюда социальность журналистики изучается в разных странах вплоть до наших дней. Например, недавно было отмечено сходство понимания Е. П. Прохоровым и Д. МакКуйэлом, что общество не только ожидает от СМИ определенного функционирования, но зачастую и предписывает им выполнение определенных функций, включая концептуальную интегрирующую функцию, сплоченность, поддерживающую социальный порядок [27. С. 10]. Но несмотря на сходства, динамика осмысления социальности журналистики на Западе, в России и в других странах отличалась, отражая изменения общественных систем. Развитие понятия на Западе было более последовательным, а в России с более резкими изменениями, что делает российский случай интересным другим развивающимся странам, включая БРИКС.

На Западе научный интерес к массам оказался временным: от понимания массы как толпы (*mob*) (Густав Лебон) к временно-позитивному отношению в 1960-е гг. и к предпочтению термина «публика», интересу к группам и индивидам [19]. Новый подъем социальности недавно видели в транснациональном потреблении новостей [28] и, в целом, в преодолении национальных границ. Но начавшийся геополитический кризис и «окончание исключительной фазы глобализации» [29] проблематизируют это направление.

С одной стороны, современные англоязычные работы остаются преемственными 1960-м гг. Социальность журналистики они связывают с «культурной интеграцией и чувством принадлежности» (цит. по: [28]), социальным цементом [13], связующим знанием (*common bond of knowledge*), гражданским и культурным клеем, соединяющим во времени и пространстве одновременным коллективным опытом

[30. Р. 719; 28. Р. 1474]; с цельностью и связностью (wholeness and seamlessness) общества; жизнью целого, общим благом и собиранием людей вместе (bringing together) [17. Р. 8–9; 13. Р. 166]. Устойчивость этой линии (как и в случае с амбивалентностью социальности, несущей как благо, так и нет) подтверждает отражение в социальности журналистики принципов человеческой социальности в целом.

Но, с другой стороны, глобализация, цифровизация и влияние других дисциплин обусловили то, что метафорика оформленности, клея и цемента, по выражению В. Д. Мансуровой, «списывается в архив» текучестью, размыванием границ и гибридизацией; снижением интереса к общественным делам и газетно-вещательной традиции с увеличением внимания к соцсетям и развлечениям, «имитирующим журналистскую риторику» [30. Р. 718–719]. Это может показаться доказательствами в пользу вариативного и изменчивого понимания социальности журналистики, но мы предполагаем, что это скорее постановка вопроса.

Изменчивое и новое формулирование понятия социальности цифровых коммуникаций вместо «укоренившегося кризиса журналистики и неуверенности в будущем» [31] может символизировать ребенка, который учится, имитирует взрослых и делает по-своему, что говорит не о кризисе взрослого, а об учебе ребенка. Ответ здесь не предопределен, как и в вопросе Дж. Нерона: что лучше – иметь плохого судью или вообще не иметь судьи? Однако острота постановки вопроса об изменчивом и устойчивом в социальности журналистики может обращаться «непризнанием того, что новизна нуждается в привычном, ...зацикленностью на новом, что подрывает понимание текущих событий» (“Not recognizing that novelty needs the familiar and already tried to contextualize what novelty means has created a fixation on the new that undermines the understanding of current events”) [32. Р. 347]. От этого предостерегают на Западе, а в России мы можем наблюдать это в эволюции понятия социальности журналистики в перестройку и постсоветский период.

Российская динамика, во многом отличная от западной, привела к схожему результату. В перестройку и в постсоветское время возможность отрицания принципов и норм советской журналистики, по мысли Ю. Н. Солонина, высказанной в 1991 г., была призвана обновить и углубить ее ориентацию на воспроизведение «глубинных взаимодействий..., определяющих жизнедеятельность общества» [33. С. 20].

Фундаментальное общественное значение должно было стать тем принципом, по которому новые проявления коммуникации вытесняют из старых какие-то ложные и отжившие составляющие. Это почти буквально выразил российский классик Я. Н. Засурский: «Перестройка сняла многие ненужные запреты, регламентацию, “вертикальные” подходы в развитии научной мысли. Все это было снято перестройкой, которая позволила увидеть нашу систему коммуникаций в истинном свете, по крайней мере, позволила к этому ближе подойти» [34. С. 24]. Новое только на первый взгляд кажется всецело истинным, а на самом деле оно позволяет лишь ближе подойти к истине, в меру того, насколько вытесняет из старого ложное и развивает фундаментальное в нем.

Острота постановки вопроса о социальности журналистики как тогда, так и сейчас, выражает потребность в воспроизведении тех самых «глубинных взаимодействий, определяющих жизнедеятельность общества». В России и других развивающихся странах эта потребность может быть сильнее, чем на Западе, но как ее удовлетворить? В этом также находят отражение общественные процессы, например, в постсоветской России новое в коммуникации отрицало старое, поэтому асоциальность прессы скорее социальности нашла выражение в науке.

В 1997 г. ученые писали, что вековые идеи «служения прессы обществу и человеку, активно живущему в этом обществе», а также представления общества как целого были подменены формированием «двух слоев в пределах одной национальной культуры – элитарного и массового», понижением ее общего уровня, вместо его повышения [35. С. 4, 94]. С тех пор и до наших дней российская теория журналистики по другим причинам, нежели на Западе, но идет в том же направлении дробления понятия социальности журналистики, а также вариативной и изменчивой интерпретации социальности цифровых коммуникаций.

В последние годы нарицательным стало наличие нескольких Россий в коммуникации; среди линий содержательных разрывов отмечаются солидаризация с оппозиционным движением и пропаганда традиционных ценностей, ориентация на индивида и на массовую аудиторию; в аспекте каналов коммуникации продолжает расти, а не уменьшаться разрыв между СМИ, разбирающимися в интернете, и новичками и т.д. [36. Р. 125–126]. В совокупности с поляризацией ис-

точников информации, вышедшей уже на технический уровень (VPN для доступа к заблокированным русскоязычным СМИ) – это похоже на констатацию факта новой социальности цифровой коммуникации вне национальных границ и правового поля. Но тем внимательнее нужно отнестись к альтернативе: какова природа препятствий и перспектива понимания социальности журналистики, медиа и интернета в непрерывном развитии как единого научного предмета с взаимодополняющими частями целого? Возможно ли понятие, равно определяющее как социальность журналистики, так и соцсетей с цифровыми коммуникациями?

Перспектива социальности журналистики

Единому, непрерывному пониманию социальности журналистики, медиа и интернета препятствует производное от глобализации ассоциирование журналистики с государством и противопоставление ее общечеловеческому сетевому взаимодействию. В качестве характеристики социальности называют «национальное мировоззрение журналистики... расщепляющееся индивидуализацией и глобализацией с 1990-х годов» [28]. В основе этой ассоциации лежит усвоенное из других дисциплин разделение социальной и сетевой (системной) интеграции, национального государства и «мирового» общества, солидарности сетей (solidarity of networks) [37]. Усвоение этого разделения в теории журналистики и коммуникации обусловило представления, что сетевые медиа подрывают социальные различия [21]; социальная мотивация связана с популистскими движениями в противоположность делиберативной (совещательной) мотивации [38] и т.д. Но, исходя из эволюции внутридисциплинарного академического дискурса, разделение социального и сетевого, мягко говоря, неоправданно.

Человеческая социальность и структура общества не только составляют содержание всевозможных каналов коммуникации, включая сетевой, но и с 1960-х гг. выражаются в теоретических и образовательных нарративах, формируют идентичность нашей дисциплины. Только формулирование концепции на внутридисциплинарных основаниях позволило бы избежать того, чтобы накопленный журналистикой и обобщенный в ее теории человеческий опыт стал легкой добычей для заикленных на новом концепций, обрекающих «новые» институционализирующиеся формы коммуникации на повторение журналистских ошибок.

Если вместо разделения социального и сетевого использовать понятия реальности и сцены, сущности и модальности [32. Р. 344], то институт журналистики и цифровые коммуникации окажутся неразрывны как часть и целое в плане места, где собираются (объединяются) люди. Раньше основным публичным пространством были СМИ, а теперь им стала интернет-среда. В смысловом же, содержательном плане журналистика – это на сегодня исторически сформированное целое, общественный институт, чья развивающаяся часть – цифровая среда как бытие и становление.

Такая инвариантная мера социальности не противопоставит, а сопоставит журналистику с цифровыми коммуникациями, как по упомянутым дисциплинарным критериям – аксиологии, деонтологии, этике, так и по любым другим. Для этого достаточно взять выработанные журналистикой и обобщенные в ее теории соответствующие составляющие социальности и задать вопрос: как в сетях изменяются, например, глобальные деонтологические и этические нормы или обусловленные национальными особенностями ценности?

Из теории журналистики будет известно, что деонтологическая, нормативная позиция автора – «вровень с героем, не выше и не ниже, чувствуя себя равным среди равных» [39. С. 64], «говоря рядом» (*speaking nearby*), на языке участников, не объективируя и не отчуждая партнеров [40. Р. 977]. Реализация этого в конкретных обществах отражает их структуру в аксиологии профессии. Например, российские особенности: «гуманизм, терпимость и этичность» журналистики [27. С. 11], филологизм, особое место государства, реализация журналистикой непосредственного политического участия и традиция обучения ей как «политически значимой профессии» [41. С. 128]. Китайская особенность журналистики включает традицию «ученых-чиновников», которые на государственной службе обязаны обращать внимание на болезни государства и преследовать благо народа [42. Р. 215]. В Бразилии социальная идиосинкразия журналистики «глобального севера» дополняется нормами, принятыми вместе журналистами и обществом, включая «обычаи, традиции, табу, верования, церемонии и фольклор» [43. Р. 313].

В наши задачи не входил подсчет, насколько существенно отличие (отклонение) по этим параметрам содержания цифровых коммуникаций, но их сопоставление с журналистикой само по себе вполнину снизит количество неизвестных переменных, что позволит, словами

Я. Н. Засурского, еще раз ближе подойти к тому, чтобы увидеть нашу систему коммуникаций в истинном свете. В этом и выражается перспектива инвариантного понятия социальности журналистики и представления о непрерывности ее развития с интернет-медиа.

Журналистика как исторически крайнее институциональное отражение структуры общества – это своего рода «надындивидуальный интеллект», формировавший новый опыт из прошлого задолго до современного интеллекта искусственного. Влияние ее социальности будет еще настолько продолжительным, насколько неоспоримым будет ее вклад в формирование будущих принципов объединения людей. Хотя в добавок к блогерам все заметнее участие не-человеков в цифровой культуре, но и о них уже известно, чем сложнее алгоритмы, «тем больше они опираются на интерпретацию исторических закономерностей» [31], как журналистская вторая природа или «медиа-биос» [44]. Таким образом, инвариантное понятие социальности журналистики, медиа и интернета не потеряет перспективу и в обозримом будущем, пока в теории журналистики и других науках отмечаются противоречия «“асоциальности” и одновременно институционально-принудительной “сверхсоциальности”» в сетевой среде [10. С. 6], сетевых культур, взаимоотношений социотехнических сетей с государствами и т.д. [14. Р. 91–92].

Резюмируем в этом контексте, что понятие социальности журналистики включает институционализированное (установленное) людьми порождение и распространение смыслов, нацеленных на организацию взаимодействия в обществе. Вариативность, изменчивость и амбивалентность (несущая как благо, так и нет) ее практической реализации преодолевается в устойчивом инварианте в науке и образовании. Относительно журналистики и цифровых коммуникаций эти представления взаимодополняющие как соединяющиеся сосуды, рука и отпечаток, предмет и его слепок; части определяются относительно друг друга, выражая человеческую социальность в целом во всех исторических типах и формах коммуникации.

Заключение

Наш анализ был посвящен понятию социальности журналистики в перспективе формирующейся социальности медиа и интернет-коммуникаций. Предложено, что это части целого, один научный

предмет и непрерывный процесс. Отталкиваясь от определения социальности журналистики как реализации ею интегративного потенциала во взаимодействии людей на основе общей смысловой перспективы, мы показали изменение академического дискурса о социальности журналистики с 1960-х гг. до наших дней. Закономерность отражения структуры обществ в коммуникации позволяет рассматривать институционализацию взаимодействия медиасубъектов в интернете в преемственности с журналистикой. Социализация аудитории / пользователей исторична с опорой на структуру (со-)общества, возможно, взятого не в физических границах, а в границах медиапотребления. Социальность журналистики, медиа и интернета как единый предмет реализуется как в реальном социальном, так и в сетевом пространстве, сочетает как количественные показатели, так и смыслы информационного обмена. Историзм производства интегрирующих смыслов и общественная потребность в них указывают содержательную перспективу взаимодействия производителей и потребителей цифрового контента.

Список источников

1. Сидоров В. А. Аксиология социальных практик (ценностный анализ медиа) // Интеллектуальная культура Беларуси: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знания : материалы Третьей Международной научной конференции : в 3 т. 15–16 ноября 2018 г., г. Минск. Т. II. Минск : Четверть четверти, 2018. С. 276–279.
2. Jackson S. Progressive Social Movements and the Internet // Oxford Research Encyclopedia of Communication. 2018. doi: 10.1093/acrefore/9780190228613.013.644
3. Огурцов А. П. Изменение // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2010.
4. Вартанова Е. Л., Гладкова А. А., Дунас Д. В. К вопросу о репрезентации социального конфликта в полисубъектной медиасреде // Журналистика в 2021 году: творчество, профессия, индустрия : сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. М. : Фак. журн. МГУ, 2022.
5. Фатеева И. А. Профессиональная идеология: не только для журналистики и журналистского образования, но и для массового медиаобразования // Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии : материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18–19 нояб. 2022 г. СПб. : Медиапапир, 2022. С. 199–201.
6. Вартанова Е. Л. К 70-летию Школы изучения журналистики и медиакоммуникаций в МГУ // Меди@льманах. 2022. № 4 (111). С. 8–13. doi: 10.30547/mediaalmanah.4.2022.813

7. ВЦИОМ: россияне больше всего доверяют центральному телевидению и не верят соцсетям // ТАСС. 2023. 8 февр. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16997729>
8. Социальные и цифровые исследования науки: коллективная монография / науч. ред. и сост. А. А. Аргамаковой, Е. В. Масланова, В. В. Слюсарева, Т. М. Хусяинова. М. : Русское общество истории и философии наук, 2019. 282 с.
9. *Сморгунов Л. В.* Институционализация управляемости и проблема контроля в пространстве цифровых коммуникаций // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 3. С. 62–75. doi: 10.31429/26190567-20-3-62-75
10. *Резаев А. В., Стариков В. С., Трегубова Н. Д.* Социология в эпоху «искусственной социальности»: поиск новых оснований // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 3–12. doi: 10.31857/S013216250008489-0
11. *Корконосенко С. Г.* Теория журналистики: моделирование и применение. М. : Логос, 2010. 248 с.
12. *Свитич Л. Г.* Профессия: журналист. М. : Изд-во Московского ун-та, 2003.
13. *Deuze M., Witschge T.* Beyond Journalism: Theorizing the Transformation of Journalism // Journalism. 2018. № 19 (2). P. 165–181. doi: 10.1177%2F1464884916688550
14. *Ermoshina K.* For Code and Country Civic Hackers in Contemporary Russia // From Russia with Code: Programming Migrations in Post-Soviet Times / ed. by Mario Biagioli, Vincent Antonin Lépinay. Duke University Press, 2019. doi: 10.1515/9781478003342-006
15. *Корконосенко С. Г.* Социальность журналистики в социокультурном измерении // Журналістыка–2020: стан, проблеми і перспективи : матеріали 22-й Міжнар. наук.-практ. конф., 12–13 листоп. 2020 г. Мінск : БДУ, 2020. С. 157–160.
16. *Корконосенко С. Г.* Социальность журналистики и медиа: методологические подходы // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9, № 3. С. 417–430. doi: 10.17150/2308-6203.2020.9(3).417-430
17. *Splichal S.* Publicness–Privateness: The liquefaction of “The Great Dichotomy” // Javnost – The Public. 2018. № 25 (1–2). P. 1–10. doi: 10.1080/13183222.2018.1424004
18. *Юлдашев Л. О., Колозариди П. В.* Что такое интернет? Опыт разведывательного исследования в области Internet studies // Новое время, новое поле: меняющийся мир качественных исследований и новые технологии. СПб. : Алетейя, 2021. С. 48–76.
19. On The Grand Narrative of Media & Mass Communication Theory and Research. Section of ICA 2020 – 70nd Annual ICA Conference. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iOYj-mpkRec>
20. *Carey J. W.* Communication as culture: essays on media and society. New York ; London : Routledge, 2009.
21. *O'Connor P.* The unanchored past: Three modes of collective memory // Memory Studies. 2019. № 15 (4). P. 634–649. doi: 10.1177/1750698019894694

22. *Nerone J.* What's new about truth // Russian Journal of Communication. 2017. № 9:2. P. 203–206. doi: 10.1080/19409419.2017.1323179
23. *Harrison J.* Public Service Journalism // Oxford Research Encyclopedia of Communication. London : Oxford University Press, 2019. doi: 10.1093/acrefore/9780190228613.013.867
24. *Splichal S., Mance B.* Paradigm(s) Lost? Islands of Critical Media Research in Communication Journals // Journal of Communication. 2018. № 68 (2). P. 399–414. doi: 10.1093/joc/jqx018
25. *Schramm W.* Mass Media and National Development-The Role of Information in the Developing Countries. Stanford : Stanford University Press, 1964. xi+333 p.
26. Прохоров Е. П. Публицистика в жизни общества. М. : Изд-во МГУ, 1968. 104 с.
27. *Вартанова Е. Л.* Нормативное и идеальное: к пониманию Е. П. Прохорова теории журналистики // МедиАльманах. 2021. № 1. С. 8–11.
28. *Widholm A.* Transnational News Consumption and Digital Content Mobility // Journalism Studies. 2019. № 20:10. P. 1472–1490, doi: 10.1080/1461670X.2018.1526642
29. *Scholz Olaf.* The Global Zeitenwende // Foreign Affairs. Jan./Feb. 2023. URL: <https://www.foreignaffairs.com/germany/olaf-scholz-global-zeitenwende-how-avoid-new-cold-war>
30. *Van Witsen A., Takahashi B.* Knowledge-based journalism in science and environmental reporting: opportunities and obstacles // Environmental Communication. 2018. № 12 (6). P. 717–730. doi: 10.1080/17524032.2018.1455723
31. *Tenenbaum-Weinblatt K., Neiger M.* Journalism and Memory // Handbook of Journalism Studies / eds by T. Hanitzsch, K. Wahl-Jorgensen. Second Edition. New York ; London : Routledge, 2020. P. 420–434.
32. *Zelizer B.* Why journalism is about more than digital technology // Digital Journalism. 2019. № 7 (3). P. 343–350. doi: 10.1080/21670811.2019.1571932
33. *Солонин Ю. Н.* Журналист и его сознание: в защиту профессионализма (к феноменологии профессионального мышления) // Журналист. Пресса. Аудитория : межвуз. сб. Вып. 4 / под ред. И. П. Лысаковой, Ю. Н. Солонина. Л., 1991. С. 20–29.
34. *Засурский Я. Н.* Беседа... // Книга памяти профессора Е. П. Прохорова: Научные статьи. Воспоминания / отв. ред. И. Е. Прохорова. М., 2013. С. 9–26.
35. Журналистика и социология'97. Журналист: личность, должность и долг: материалы научно-практического семинара. 24.11.1997 / редкол.: С. Г. Корконосенко (ред.-сост.), В. В. Ворошилов, В. И. Кузин. СПб., 1998. 154 с.
36. *Bodrunova S., Nigmatullina K.* Journalistic Cultures: New Times, New Gaps? // Internet in Russia. Societies and Political Orders in Transition / ed. by S. Davydov. Springer, Cham., 2020. doi: 10.1007/978-3-030-33016-3_7

37. Münch R. Integration, Social // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Second Edition. Elsevier Inc., 2015. P. 243–248.

38. Birkner T., Donk A. Collective memory and social media: Fostering a new historical consciousness in the digital age? // Memory Studies. 2020. № 13 (4). P. 367–383. doi: 10.1177/1750698017750012

39. Варустин Л. Э. Вровень с героем: Проблемы творчества и мастерства публициста. М. : Мысль, 1987.

40. Witschge T., Deuze M., Willemsen S. Creativity in (Digital) Journalism Studies // Digital Journalism. 2019. № 7:7. P. 972–979. doi: 10.1080/21670811.2019.1609373

41. Корконосенко С. Г. Теория журналистики в России / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб. : Алетейя, 2018. 254 с.

42. Pan Z., Lu Y. Localizing Professionalism // Chinese Media, Global Contexts. London ; New York : Routledge, Curzon, 2003. 275 p.

43. Moreira S. V., Alonso M. O. Journalists in Newsrooms: Professional Roles, Influences, and Changes to Journalism // Brazilian Journalism Research. 2018. Vol. 14, № 2. P. 304–317. doi: 10.25200/BJR.v14n2.2018.1146

44. Sodr  M. Bios Midi tico: Um novo sistema conceitual no campo da Comunica  o // Contribui  es Brasileiras ao Pensamento Comunicacional Latino-Americano. S o Paulo : Unesco-Universidade Metodista, 2001. P. 71–75.

References

1. Sidorov, V.A. (2018) [Axiology of social practices (value analysis of media)]. *Intellektual'naya kul'tura Belarusi: metodologicheskii kapital filosofii i kontury transdisciplinarnogo sinteza znaniya* [Intellectual culture of Belarus: methodological capital of philosophy and the contours of transdisciplinary synthesis of knowledge]. Proceedings of the Third International Conference. 15–16 November 2018. Minsk. In 3 vols. Vol. II. Minsk: Chetyre chetverti. pp. 276–279. (In Russian).

2. Jackson, S. (2018). Progressive Social Movements and the Internet. In: *Oxford Research Encyclopedia of Communication*. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228613.013.644

3. Ogurtsov, A.P. (2010) Izmenenie [Change]. In: *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes]. Moscow: Mysl'.

4. Vartanova, E.L., Gladkova, A.A. & Dunas, D.V. (2022) [On the representation of social conflict in a multi-subjective media environment]. *Zhurnalistika v 2021 godu: tvorchestvo, professiya, industriya* [Journalism in 2021: creativity, profession, industry]. Proceedings of the International Conference. Moscow: MSU Faculty of Journalism.

5. Fateeva, I.A. (2022) [Professional ideology: not only for journalism and journalism education, but also for mass media education]. *Zhurnalistika XXI veka: vozvrashchayas' k professional'noy ideologii* [Journalism of the 21st century: returning to professional ideology]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg. 18–19 Nov. 2022. St. Petersburg: OOO "Mediapapir". pp. 199–201. (In Russian).

6. Vartanova, E.L. (2022) K 70-letiyu Shkoly izucheniya zhurnalistiki i mediakommunikatsiy v MGU [On the occasion of the 70th anniversary of the School for the Study of Journalism and Media Communications at Moscow State University]. *Medi@l'manakh*. 4 (111). pp. 8–13. DOI: 10.30547/mediaalmanah.4.2022.813
7. TASS. (2023) VTsIOM: rossiyanе bol'she vsego doveryayut tsentral'nomu televideniyu i ne veryat sotssetyam [VTsIOM: Russians most of all trust central television and do not trust social networks]. 8 Feb. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/16997729>
8. Argamakova, A.A. et al. (eds) (2019) *Sotsial'nye i tsifrovye issledovaniya nauki* [Social and digital research of science] Moscow: Izd-vo "Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauk".
9. Smorgunov, L.V. (2019) Institutionalization of manageability and the problem of control in the space of digital communications. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk*. 20 (3). pp. 62–75. (In Russian). DOI: 10.31429/26190567-20-3-62-75
10. Rezaev, A.V., Starikov, V.S. & Tregubova, N.D. (2020) Sociology in the age of 'artificial sociality': Search of new bases. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2. pp. 3–12. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250008489-0
11. Korkonosenko, S.G. (2010) *Teoriya zhurnalistiki: modelirovanie i primenenie* [Theory of journalism: modeling and application]. Moscow: Logos.
12. Svitich, L.G. (2003) *Professiya: zhurnalist* [Profession: journalist]. Moscow: MSU.
13. Deuze, M. & Witschge, T. (2018) Beyond Journalism: Theorizing the Transformation of Journalism. *Journalism*. 19 (2). pp. 165–181. DOI: 10.1177%2F1464884916688550
14. Ermoshina, K. (2019) For Code and Country Civic Hackers in Contemporary Russia. In: Biagioli, M. & Lépinay, V.A. (eds) *From Russia with Code: Programming Migrations in Post-Soviet Times*. Duke University Press. DOI: 10.1515/9781478003342-006
15. Korkonosenko, S.G. (2020) [The sociality of journalism in the socio-cultural dimension]. *Zhurnalistyka–2020: stan, problemy i perspektivy* [Journalism—2020: state, problems and prospects]. Proceedings of the 22nd International Conference. 12–13 November 2020. Minsk: BSU. pp. 157–160.
16. Korkonosenko, S.G. (2020) Sociality of journalism and mass media: Methodological approaches. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 9 (3). pp. 417–430. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(3).417-430
17. Splichal, S. (2018) Publicness–Privateness: The liquefaction of “The Great Dichotomy”. *Javnost – The Public*. 25 (1–2). pp. 1–10. DOI: 10.1080/13183222.2018.1424004
18. Yuldashev, L.O. & Kolozaridi, P.V. (2021) Chto takoe internet? Opyt razvedyvatel'nogo issledovaniya v oblasti Internet studies [What is the Internet? The experience of intelligence research in the field of Internet studies]. In: *Novoe vremya*,

novoe pole: menyayushchiysya mir kachestvennykh issledovaniy i novye tekhnologii [New time, new field: the changing world of qualitative research and new technologies]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 48–76.

19. YouTube. (2020) *On The Grand Narrative of Media & Mass Communication Theory and Research*. Section of ICA 2020 – 70nd Annual ICA Conference. [Video]. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=iOYj-mpkRec>

20. Carey, J.W. (2009) *Communication as culture: essays on media and society*. New York; London: Routledge.

21. O'Connor, P. (2019) The unanchored past: Three modes of collective memory. *Memory Studies*. 15 (4). pp. 634–649. DOI: 10.1177/1750698019894694

22. Nerone, J. (2017) What's new about truth. *Russian Journal of Communication*. 9 (2). pp. 203–206. DOI: 10.1080/19409419.2017.1323179

23. Harrison, J. (2019) Public Service Journalism. In: *Oxford Research Encyclopedia of Communication*. London: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228613.013.867.

24. Splichal, S. & Mance, B. (2018) Paradigm(s) Lost? Islands of Critical Media Research in Communication Journals. *Journal of Communication*. 68 (2). pp. 399–414. DOI: 10.1093/joc/jqx018

25. Schramm, W. (1964) *Mass Media and National Development – The Role of Information in the Developing Countries*. Stanford, California: Stanford University Press.

26. Prokhorov, E.P. (1968) *Publitsistika v zhizni obshchestva* [Journalism in the life of society]. Moscow: MSU.

27. Vartanova, E.L. (2021) Normativnoe i ideal'noe: k ponimaniyu E. P. Prokhorovym teorii zhurnalistiki [Normative and ideal: to E.P. Prokhorov's understanding of the theory of journalism]. *MediAl'manakh*. 1. pp. 8–11.

28. Widholm, A. (2019) Transnational News Consumption and Digital Content Mobility. *Journalism Studies*. 20 (10). pp. 1472–1490. DOI: 10.1080/1461670X.2018.1526642

29. Scholz, O. (2023) The Global Zeitenwende. *Foreign Affairs*. Jan./Feb. [Online] Available from: <https://www.foreignaffairs.com/germany/olaf-scholz-global-zeitenwende-how-avoid-new-cold-war>

30. Van Witsen, A. & Takahashi, B. (2018) Knowledge-based journalism in science and environmental reporting: opportunities and obstacles. *Environmental Communication*. 12 (6). pp. 717–730. DOI: 10.1080/17524032.2018.1455723

31. Tenenbaum-Weinblatt, K. & Neiger, M. (2020) Journalism and Memory. In: Hanitzsch, T. & Wahl-Jorgensen, K. (eds), *Handbook of Journalism Studies*. Second Edition. New York and London: Routledge. pp. 420–434.

32. Zelizer, B. (2019) Why journalism is about more than digital technology. *Digital Journalism*. 7 (3). pp. 343–350. DOI: 10.1080/21670811.2019.1571932

33. Solonin, Yu.N. (1991) Zhurnalists i ego soznanie: v zashchitu professionalizma (k fenomenologii professional'nogo myshleniya) [Journalists and their consciousness: in defense of professionalism (to the phenomenology of professional thinking)]. In: Lysakova, I.P. & Solonin, Yu.N. (eds) *Zhurnalists. Pressa. Auditoriya* [Journalist. Press. Audience]. Vol. 4. Leningrad: [s.n.]. pp. 20–29.
34. Zasurskiy, Ya.N. (2013) Beseda... [Conversation ...]. In: Prokhorova, I.E. (ed.) *Kniga pamyati professora E. P. Prokhorova: Nauchnye stat'i. Vospominaniya* [Book of memory of Professor E.P. Prokhorov: Articles. Memories]. Osc ow: [s.n.]. pp. 9–26.
35. Korkonosenko, S.G. (ed.) (1998) *Zhurnalistsika i sotsiologiya* '97. *Zhurnalists: lichnost', dolzhnost' i dolg* [Journalism and sociology'97. Journalist: personality, position and duty]. Seminar Proceedings, 24 November 1997. St. Petersburg: [s.n.].
36. Bodrunova, S. & Nigmatullina, K. (2020) Journalistic Cultures: New Times, New Gaps? In: Davydov, S. (ed.) *Internet in Russia. Societies and Political Orders in Transition*. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-33016-3_7
37. Münch, R. (2015) Integration, Social. InL *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Second Edition. Elsevier Inc. pp. 243–248.
38. Birkner, T. & Donk, A. (2020) Collective memory and social media: Fostering a new historical consciousness in the digital age? *Memory Studies*. 13 (4). pp. 367–383. DOI: 10.1177/1750698017750012
39. Varustin, L.E. (1987) *Vroven' s geroem: Problemy tvorchestva i masterstva publitsista* [Equally with the hero: Problems of creativity and skill of an opinion journalist]. Moscow: Mysl'.
40. Witschge, T., Deuze, M. & Willemsen, S. (2019) Creativity in (Digital) Journalism Studies. *Digital Journalism*. 7 (7). pp. 972–979. DOI: 10.1080/21670811.2019.1609373
41. Korkonosenko, S.G. (2018) *Teoriya zhurnalistiki v Rossii* [Theory of journalism in Russia]. St. Petersburg: Aleteyya.
42. Pan, Z. & Lu, Y. (2003) Localizing Professionalism. In: *Chinese Media, Global Contexts*. London; New York: Routledge; Curzon.
43. Moreira, S.V. & Alonso, M.O. (2018) Journalists in Newsrooms: Professional Roles, Influences, and Changes to Journalism. *Brazilian Journalism Research*. 14 (2). pp. 304–317. DOI: 10.25200/BJR.v14n2.2018.1146
44. Sodr , M. (2001) “Bios Midi tico: Um novo sistema conceitual no campo da Comunica  o”. In: *Contribui  es Brasileiras ao Pensamento Comunicacional Latino-Americano*. S o Paulo: Unesco-Universidade Metodista. pp. 71–75.

Информация об авторах:

Марченко А. Н. – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: a.marchenko@spbu.ru

Веденклей Алвес Сантана – PhD, доцент Федерального университета Жуис-ди-Фора (Жуис-ди-Фора, Бразилия). E-mail: wedencley@gmail.com

Янь Лю – канд. полит. наук, ст. преподаватель Сианьского университета Цзяо Тун (Сиань, Китай). E-mail: yan.liu@xjtu.edu.cn

Инкю Канг – PhD, доцент школы гуманитарных и социальных наук Университета штата Пенсильвания (Эри, США). E-mail: iuk14@psu.edu

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A. N. Marchenko, Cand. Sci. (Philology), senior lecturer, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.marchenko@spbu.ru

Alves S. Wedencley, PhD, associate professor, Federal University of Juiz de Fora (Juiz de Fora, Brazil). E-mail: wedencley@gmail.com

Yan Liu, PhD, Cand. Sci. (Political Science), senior lecturer, Xi'an Jiaotong University (Xi'an, China). E-mail: yan.liu@xjtu.edu.cn

Inkyu Kang, PhD, associate professor, Penn State University (Erie, USA). E-mail: iuk14@psu.edu

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.08.2022;
одобрена после рецензирования 29.05.2023; принята к публикации 10.06.2023.*

*The article was submitted 24.08.2022;
approved after reviewing 29.05.2023; accepted for publication 10.06.2023.*